

ЗАДВОРНОВ Андрей Николаевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Набережночелнинского института – филиала Казанского (Приволжского) федерального университета. Автор 72 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, одного учебного пособия

ДИВЕРГЕНЦИЯ ПАЛЕОАНТРОПОВ И НЕОАНТРОПОВ КАК МЕХАНИЗМ ЗАРОЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье предложен подход к происхождению общественного сознания, разработанный на основе синтеза философской антропологии, палеоантропологии и палеогенетики. Основой для синтеза явилась концепция индивидуализации Б.Ф. Поршнева, скорректированная с учетом современных научных данных. В работе постулируется тезис о социально-коммуникативной природе происхождения общественного сознания. Оно рождалось на основе предсловесного и словесного сопротивления неантропов палеоантропам-каннибалам. Общественное сознание есть следствие не столько естественного, сколько искусственного отбора, осуществляемого палеоантропами. Критерием отбора становилась большелобость, поскольку люди с более развитыми лобными долями головного мозга отличались способностью регулировать свои страсти и быть более покорными. Однако большелобость приводила и к развитию речевых центров, что позволило неантропам сформировать социальные по своей природе группы и восстать против палеоантропов. В процессе длительного противостояния палеоантропов и неантропов мышление сапиенсов постепенно переходило от коллективных форм (стадное сознание) к индивидуальным. После исчезновения угрозы со стороны палеоантропов, а также в связи с переходом к производящему хозяйству индивидуализация сапиенсов привела к борьбе со стадным мышлением (контрконтрсуггестия) и к оформлению общественного сознания. Показано, что механизм зарождения общественного сознания создавался в процессе дивергенции палеоантропов и неантропов. Движущей силой этого механизма последовательно выступали интердикция, суггестия, контрсуггестия и контрконтрсуггестия. Историческое предназначение контрконтрсуггестии состояло в создании индивидуализированными социальными субъектами идейных программ (религиозных, политических и т. д.) и запуске механизма борьбы между этими программами. Результатом этой борьбы стало оформление общественного сознания во всей совокупности его проявлений.

Ключевые слова: *палеоантропы, неантропы, зарождение общественного сознания, интердикция, суггестия, контрсуггестия, коллективное мышление, индивидуализация сапиенсов.*

Диалектика общественного бытия и сознания выступает важнейшим вопросом философии. Обратимся к раннему этапу становления человечества, для того чтобы попытаться определить механизм зарождения общественного сознания под влиянием бытия.

Описывая процесс становления общественного сознания, мы опираемся на концепцию советского исследователя Б.Ф. Поршнева. Его изыскания в полном объеме стали доступны широкому научному сообществу только в 2007 году после публикации работы «О начале человеческой истории» [1]. Книга была издана на основе сохранившихся архивов автора и существенно дополнила работу, изданную в сильно урезанном виде (и уже после смерти автора) в 1974 году. В то же время современные научные данные позволяют внести существенные уточнения в концепцию Б.Ф. Поршнева.

Исходная предпосылка нашего исследования состоит в том, что человека человеком делает не столько труд или среда, а инструмент, содержание и характер взаимодействия «особь – особь», а проще говоря, речь. Эта идея восходит еще к И. Канту, однако необходимо исследовать механизм ее воплощения в истории человечества.

Современные данные антропологии свидетельствуют о том, что палеоантропы (неандертальцы) мало занимались охотой, а питались падалью и широко практиковали каннибализм. С этим соглашается большинство современных антропологов. Б.Ф. Поршнева полагал, что палеоантропы вовсе не охотились. Они поедали не только представителей своего вида, что встречается и в животном мире и называется аде́льфофагией, но и более слабых особей, пришедших в места обитания неандертальцев и являвшихся предками неантропов.

Далеким предкам сапиенсов, получившим название «гейдельбергский человек», столкнувшись с палеоантропами, стали для последних источником мяса. В дальнейшем неандертальцы

участвовали в формировании неантропов, опираясь на свою способность к интердикции. Она позволяет, вызывая один рефлекс, блокировать другой. Например, поскольку палеоантропы не охотились, а питались остатками пищи животных, они научились привлекать одних хищников для отпугивания других, вынуждая первых оставить добычу. В данном случае голод и иные рефлекторные проявления у хищника перекрывались страхом, т. е. защитные рефлексы (удаление от раздражителя) преобладали над пищевыми.

Механизм интердикции палеоантропы использовали и в отношении неантропов, приучив их к покорности, выработав в них иерархический рефлекс подчинения. В сущности, интердикция находилась в основе искусственного отбора, породившего неантропа. Поскольку «неандертальцам требовалось для выживания около 4000 килокалорий в день»¹, неантропы были необходимы как источник мяса. В противном случае, с учетом имеющихся в арсенале палеоантропа форм хозяйствования, выжить этому виду было бы практически невозможно.

Следует иметь в виду, что искусственный отбор носил в значительной степени стихийный характер. По всей видимости, критерий отбора также возник стихийно. Им стала постепенно развивающаяся у сапиенсов большелобость. По Б.Ф. Поршневу, критерием отбора была также безволосость неантропов. Советский исследователь полагал также, что интердикция была направлена на торможение у формирующихся неантропов рефлекса, запрещающего убивать представителей иных видов. Предки сапиенсов должны были не только выступать кормовой базой, например отдавая часть своего приплода, но и охотиться для палеоантропов.

С этой позицией сложно согласиться. Рефлекс, запрещающий убивать представителей иных видов, присутствовал у архантропов (максимально близких к растительноядным человекообразным обезьянам), но практически

¹Тайна гибели неандертальцев. URL: <http://secrets-world.com/history/5190-tayna-gibeli-neandertalcev.html> (дата обращения: 15.10.2015).

уже стерся у неандертальцев. Наличие такого рефлекса у палеоантропов явно препятствовало бы их адаптации к суровой окружающей среде и выживанию в ледниковую эпоху.

На наш взгляд, объектом интердикции были иные рефлексы. Выскажем предположение, что интердикция, в основе которой находится бидоминантная модель, усиливала у неантропов рефлекс страха, тем самым тормозя рефлекс агрессии. Действительно, эти рефлексы имеют очень близкую химическую природу, связанную с выбросом адреналина. При этом усиление одного рефлекса тормозит другой. Вместе с тем связь между ними диалектическая. Страх в своих кульминационных точках способен породить агрессию, и наоборот, в пиках агрессия вызывает страх за собственное существование.

Имеется достаточно данных, свидетельствующих о том, что гормональные факторы являются причиной изменения возбудимости центральной нервной системы, а также различной реактивности нервных центров. Адреналин – гормон страха – способен стимулировать деятельность неокортекса. Он в свою очередь отвечает за сознание и интеллект человека, выступая главным морфологическим признаком второй сигнальной системы.

Выскажем гипотезу: развитие большелобости сапиенсов было обусловлено, в частности, воздействием гормона страха на неокортекс. Перефразируя классика, можно сказать, что страх сделал из обезьяны человека. Он же стимулировал развитие речи, которая становится у сапиенсов своеобразной сублимацией страха и его ограничителем. Кроме того, речь – это инструмент выхода неантропов из-под зависимости палеоантропов. Эволюционно этот процесс занял тысячелетия.

В 2010 году группа исследователей под руководством С. Паабо из Института эволюционной антропологии общества Макса Планка (Германия), изучая ДНК, извлеченную из фрагмента кости, найденной в Денисовой пещере на Алтае, пришла к выводу, что это неизвестный ранее тип гоминид. Имеющиеся признаки позволяют предположить, что это и есть промежуточный

результат искусственного отбора в процессе перехода от гейдельбергского человека к неантропу.

Примечательна характерная для неандертальцев инволюция, которая, на наш взгляд, также связана с неантропами. По мере накопления фактов стало ясно, что ранние (атипичные) неандертальцы были существенно ближе к сапиенсам, чем поздние (классические) неандертальцы. Удивительно, но атипичные неандертальцы имели более развитые лобные доли головного мозга, были более социальными, их гортань лучше подходила для освоения членораздельной речи. Однако в дальнейшем неандертальцы начали деградировать.

Большинство антропологов связывает примитивизацию палеоантропов с их проживанием в условиях холодного климата, недалеко от границ северного ледника. В качестве примеров приводятся народы, например эскимосы, живущие в суровом климате на берегах Северного Ледовитого океана. Полагаем, что этот аргумент не убедителен, поскольку суровый климат скорее является вызовом, который не замедляет, а наоборот, ускоряет развитие. В то же время следует заметить, что холодовой стресс может приводить к нарушению работы надпочечников, что в свою очередь снижает интенсивность специфического гормонального воздействия на неокортекс и замедляет его развитие.

На наш взгляд, атипичные неандертальцы, не имея кормовой базы в виде неантропов, прогрессивно эволюционировали, адаптируясь к сложным условиям среды. После того как были покорены предки неантропов, вопросы борьбы за выживание стали для палеоантропов менее насущными, что снизило, а затем и пустило вспять прогрессивную активность неандертальцев.

Итак, интердикция была ориентирована на подавление агрессии страхом, что, с одной стороны, выразилось в развитии у сапиенсов покорности, а с другой стороны, вызвало эволюционный прорыв.

Палеоантропы, или троглодиты, обладали способностью тормозить рефлексы животных и сородичей. Однако в среде порожденных

этой способностью неантропов начинает формироваться качественно новая способность предсловесного или словесного воздействия – суггестия. Причина возникновения суггестии кроется, с одной стороны, в сбое рефлекторной программы, что создавало почву для мышления (вначале коллективного, а затем индивидуального), с другой стороны, – в многократно усиленном рефлексе страха. Постепенно коллективное мышление начало поиск снижения силы этого рефлекса посредством становления умения не подчиняться, говорить «нет». Словесное воздействие помогало преодолеть неантропам защитные инстинкты и восстать против своих палачей.

Существует неустойчиво-сбалансированное состояние между активно-оборонительной (агрессия) и пассивно-оборонительной (страх, трусость) реакциями. При этом так же, как и у животных, выращенных в вольерных условиях (например, волков), у неантропов, ограниченных влиянием палеоантропов, вначале доминирует пассивно-оборонительная реакция: страх превосходит агрессию. После угасания боязни человека (по различным причинам) волки начинают проявлять признаки агрессии. Проводя аналогию с неантропами, можно предположить, что суггестия, снизив рефлекс страха, стимулировала агрессивные проявления сапиенсов по отношению к неандертальцам.

На следующем этапе суггестия перерастает в контрсуггестию. Если суггестия была нужна для «обработки» неантропами своего вида, то контрсуггестия требовалась для противодействия навязываемым троглодитами моделям поведения. Простейшими формами контрсуггестии были уклонение от слушания, передразнивание, молчание и, наконец, прерывание коммуникации. Именно отсюда возникает и глоттогония (множественность языков). Для прерывания коммуникации с иными (опасными) группами требовались слова, непонятные представителям других сообществ. Язык есть первичный маркер различения чужих и своих в первобытном обществе.

Способность сапиенсов к контрсуггестии позволила им совершить против каннибалов

палеоантропов революцию, которая переросла в длительное противостояние. «В ходе исследований человеческих останков из израильских пещер Схул и Кафзех выяснилось, что эти пещеры несколько раз “переходили из рук в руки”: до 130 тыс. лет назад там жили неандертальцы. Между 130 и 80 тыс. лет – кроманьонцы. Между 65–47 тыс. лет – снова неандертальцы, затем вновь люди современного типа. Вероятно, первая попытка кроманьонцев закрепиться в этом районе закончилась неудачей, что свидетельствует о паритете двух групп людей в технологиях. Ученые предполагают, что движущей силой мог быть климат, изменения которого накладываются на смену популяций первого человека: при похолоданиях одерживали верх неандертальцы, при потеплениях – более теплолюбивые кроманьонцы» [2]. На наш взгляд, победа в этом противостоянии *Homo sapiens sapiens* обусловлена не столько климатическими факторами, сколько развитием у них речи. Именно она позволила неантропам одолеть более развитых в физическом смысле палеоантропов.

Конечно, к примитивной речи были способны и неандертальцы, но только на том уровне, который позволял запускать механизм интердикции. Выявлено, что определенные плечи хромосом человека не имеют последовательностей ДНК неандертальцев. Так, неандертальских генов нет на ответственном за развитие речи участке генома человека.

Б.Ф. Поршневу полагал, что механизм суггестии был освоен и неандертальцами. Они научились блокировать инстинкт жертвы, принуждая ее к «насильственному» альтруизму. Однако палеоантропы не перешли от внушающей части к мотивационной. Именно неантропы, освоив контрсуггестию, задались вопросами «почему?» и «зачем?», что и включило социальные механизмы зарождения общественного сознания. В конечном итоге важнейшие институты (религиозные, политические и т. д.) человеческой культуры стали следствием дивергенции палеоантропов и неантропов.

Преодолев детерминацию биологических регуляторов, неантропы стали способны к творчес-

кому конструированию социальных отношений. И если в прямых военных действиях неандерталец благодаря своей силе превосходил бы кроманьонца, то в столкновении «социальностей» явно уступал бы.

Если сапиенс мог умирять свои страсти и объединяться в большие (по несколько десятков и даже сотен человек) дисциплинированные группы, то неандерталец был практически не способен к сознательному саморегулированию, а потому проявлял повышенную асоциальность, провоцируя взаимные антагонизмы. Это обстоятельство и не позволяло палеоантропам формировать большие организованные коллективы. Успехи неантропов лишили троглодитов основного источника мяса, что и обусловило начало эпохи заката палеоантропов, их вымирание.

Вместе с тем борьба неандертальцев с сапиенсами не исключала и их смешение. Исследования палеогенетиков Д. Рейча (Гарвардская медицинская школа), Б. Вернота и Д. Эйки (Вашингтонский университет) свидетельствуют о том, что в ДНК современных людей содержится генов неандертальского происхождения составляет 20 % [3]. Эта оценка превышает цифру, данную ранее группой исследователей из Института Макса Планка под руководством С. Паабо. Они полагали, что в геноме современных людей содержится от 1 до 4 % генома неандертальца [4].

Приведенные факты свидетельствуют о повышенной социальности кроманьонцев. Повидимому, захватывая в плен неандертальцев, они давали некоторым из них возможность жить в общинах неантропов, создавать семьи и обзаводиться потомством. Критерием отбора мог стать внешний облик, в первую очередь такие признаки, как большелобость и безволосость. Чем больше облик палеоантропа напоминал облик переходного типа гоминида, тем больше шансов у него было остаться в общине сапиенсов. Например, установлено, что в районе Денисовой пещеры на Алтае неандертальцы скрещивались с кроманьонцами и денисовцами, а кроманьонцы только с денисовцами,

близкими, как отмечалось выше, к предку сапиенса, т. е. гейдельбергскому человеку.

В теории эволюционизма остается открытым вопрос о механизме перехода материально-биологической макроэволюции к духовно-культурной эволюции, т. е. оформлению индивидуального и общественного сознания.

В разных регионах планеты общественное сознание появлялось в различные исторические эпохи. Материальной предпосылкой возникновения общественного сознания стало снижение зависимости человека от природы, произошедшее в связи с переходом от присваивающего хозяйства к производящему (неолитическая революция). Духовной предпосылкой выступили зарождающиеся религиозные системы. Именно религия, обнаружив сверхчувственный мир, позволила человеку ментально снизить свою зависимость от природы и общества и начать создавать свои правила социальной жизни. Это произошло в древнейших цивилизациях.

Однако древние политеистические религии лишь намечали сферу трансцендентного. Религия в полном смысле этого слова возникла в рамках монотеистической системы иудаизма, который создал сферу трансцендентного, отделяя человеческую сущность от строго природной или общественной. Иудаизм был первой общественной контрконтрсуггестией, предлагая альтернативную идейную программу мирового масштаба. Он, закрепив в качестве доминанты трансцендентный, сверхъестественный мир высшей сущности, ознаменовал тем самым новый этап в развитии цивилизации.

Общественное сознание – это коллективное мышление, вырабатываемое индивидуализированными социальными субъектами. На этапах интердикции, суггестии и контрсуггестии человеческое мышление было коллективным. Первобытный человек не мог мыслить в одиночку, т. к. исторически диалог человека с самим собой (самосознание) мог возникнуть лишь из диалога с другими людьми. Индивидуализированный социальный субъект появляется только тогда, когда человек научается отделять себя от массы и воздействовать на нее через убеждение,

создавая разнообразные идейные программы (политические, философские, религиозные, идеологические и т. д.). На этом этапе индивидуализированная воля становится общественным мнением и распространяется в массах.

Таким образом, общественное сознание, возникнув в древних цивилизациях (Шумеры, Вавилон, Египет и др.), сформировалось как система лишь на рубеже 2–1 тысячелетий до н. э., став инструментом подавления, преодоления контрсуггестии. Зарождение общественного сознания определялось развитием у неантропов речи как инструмента противостояния палеоантропам. Дальнейший генезис общественного сознания вызывался индивидуализацией человека и становлением его способности

к контронтрсуггестии. Она запускала механизмы диалектической связи индивидуального и общественного сознаний, открывая дорогу для создания идейных программ в различных сферах жизни общества. Идейными программами в широком смысле этого слова являются все формы общественного сознания.

Следует иметь в виду, что в ходе исторического процесса стадное сознание не было полностью устранено общественным, а в значительной степени перешло в сферу коллективного бессознательного, продолжая проявляться и в современной цивилизации. В этой связи человечеству еще предстоит извлечь уроки из своей древнейшей истории, чтобы ответить на вопрос: кто мы и что мы в себе преодолеваем?

Список литературы

1. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. СПб., 2007. 714 с.
2. Harder B. Did Humans and Neandertals Battle for Control of the Middle East? URL: http://news.nationalgeographic.com/news/2002/03/0305_0307_neandertal.html (дата обращения: 12.10.2015).
3. Vernot B., Akey J.M. Resurrecting Surviving Neandertal Lineages from Modern Human Genomes. URL: <http://www.sciencemag.org/content/343/6174/1017.abstract> (дата обращения: 18.10.2015).
4. Sankararaman S., Mallick S., Dannemann M., Prüfer K., Kelso J., Pääbo S., Patterson N., Reich D. The Genomic Landscape of Neanderthal Ancestry in Present-Day Humans. URL: <http://www.nature.com/nature/journal/v507/n7492/full/nature12961.html> (дата обращения: 15.09.2015).

References

1. Porshnev B.F. *O nachale chelovecheskoy istorii. Problemy paleopsikhologii* [The Beginning of Human History. The Issues of Paleopsychology]. St. Petersburg, 2007. 714 p.
2. Harder B. *Did Humans and Neandertals Battle for Control of the Middle East?* Available at: http://news.nationalgeographic.com/news/2002/03/0305_0307_neandertal.html (accessed 12 October 2015).
3. Vernot B., Akey J.M. *Resurrecting Surviving Neandertal Lineages from Modern Human Genomes*. Available at: <http://www.sciencemag.org/content/343/6174/1017.abstract> (accessed 18 October 2015).
4. Sankararaman S., Mallick S., Dannemann M., Prüfer K., Kelso J., Pääbo S., Patterson N., Reich D. *The Genomic Landscape of Neanderthal Ancestry in Present-Day Humans*. Available at: <http://www.nature.com/nature/journal/v507/n7492/full/nature12961.html> (accessed 15 September 2015).

Zadvornov Andrey Nikolaevich

Branch in Naberezhnye Chelny, Kazan (Volga Region) Federal University
10 (1/15) Akademika Rubanenko St., Naberezhnye Chelny, 423810, Respublika Tatarstan, Russian Federation;
e-mail: egpi-PF@yandex.ru

DIVERGENCE OF PALEANTHROPINES AND NEANTHROPINES AS A MECHANISM OF SOCIAL CONSCIOUSNESS ORIGINATION

This paper suggests an approach to the origin of social consciousness, based on the synthesis of philosophical anthropology, paleoanthropology and paleogenetics. This synthesis evolved from the concept of individualization by B.F. Porshnev supplemented by new scientific data. The paper postulates a socio-communicative nature of the origin of social consciousness. It was based on the verbal and preverbal opposition of neanthropines to cannibal paleanthropines. Social consciousness is a result of not so much natural as artificial selection by paleanthropines. Large forehead became a selection criterion as people with more developed frontal lobes of the brain were able to control their passions and be more submissive. However, large forehead contributed at the same time to the development of speech centres, allowing neanthropines to form inherently social groups and rebel against paleanthropines. In the course of a long confrontation between paleanthropines and neanthropines, the thinking of *Homo sapiens* gradually turned from collective forms (gregarious consciousness) to individual ones. When paleanthropines ceased to present any threat, as well as due to the transition to farming, the individualization of *Homo sapiens* resulted in the struggle with gregarious mentality and in the formation of social consciousness. It is shown here that the mechanism of social consciousness origination was created during the divergence of paleanthropines and neanthropines. The driving forces behind this mechanism were interdiction, suggestion, contra-suggestion and contra-contra-suggestion. The historical purpose of contra-contra-suggestion was that individualized social persons would create ideological programmes (religious, political, etc.) and start a mechanism of struggle between these programmes. This struggle resulted in the formation of public consciousness in the totality of its manifestations.

Keywords: *paleanthropines, neanthropines, origin of social consciousness, interdiction, suggestion, contra-suggestion, collective thinking, individualization of Homo sapiens.*

Контактная информация:
адрес: 423810, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, ул. Академика Рубаненко, д. 10 (1/15);
e-mail: egpi-PF@yandex.ru